

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.137>

Пересборка постсоветского евразийского пространства: вызовы и перспективы

М. В. Тучина*

*Московский государственный институт международных отношений Министерства
иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Обосновывается и разрабатывается концепция «пересборки постсоветского евразийского пространства» в контексте трансформации современных интеграционных процессов. В качестве задач рассматриваются следующие: выявление ключевых вызовов, стоящих перед интеграционными объединениями Евразии; анализ структурных изменений в деятельности ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и Союзного государства; оценка степени влияния внешних акторов и geopolитических факторов на логику интеграции. Осуществляется постановка проблемы, обоснование методологии (с опорой на сравнительный и институциональный подходы), анализ конкретных кейсов и определение вызовов и перспектив развития интеграционных процессов в Большой Евразии. Делается вывод о необходимости обновления евразийских объединений с целью повышения их адаптивности, функциональной эффективности и стратегической автономии.

Ключевые слова: евразийская интеграция, регионализм, международные организации, ЕАЭС, geopolитика, институциональная трансформация, внешние акторы.

Для цитирования: Тучина М. В. Пересборка постсоветского евразийского пространства: вызовы и перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 54. С. 137–150. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.137>

Original article

Reassembling the Post-Soviet Eurasian Space: Challenges and Prospects

M. V. Tuchina*

*Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article develops the concept of the “reassembly of the post-Soviet Eurasian space” as a response to the transformation of regional integration processes in the context of increasing geopolitical instability and external pressures. The main objective is to substantiate the need for institutional renewal within Eurasian integration initiatives. The study sets out to identify major challenges facing regional organizations, analyze structural shifts within the EAEU, SCO, CSTO, and the Union State, and evaluate the impact of external actors on integration dynamics. The article is structured around the formulation of the research problem, methodological grounding (based on comparative

and institutional approaches), a detailed case analysis, and a set of strategic recommendations. The findings support the conclusion that effective reassembly requires a recalibrated, adaptive, and functionally coherent model of Eurasian cooperation.

Keywords: Eurasian integration, regionalism, EAEU, SCO, CSTO, institutional reform, external actors.

For citation: Tuchina M.V. Reassembling the Post-Soviet Eurasian Space: Challenges and Prospects. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 54, pp. 137-151. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.137> (in Russian)

Трансформация интеграционных процессов в постсоветской Евразии

После 1991 г. постсоветское евразийское пространство развивалось во многом стихийно, пройдя через этапы дезинтеграции и частичной реинтеграции. Начальные интеграционные механизмы – Содружество Независимых Государств (далее – СНГ) – оказались, как отметил А. Кортунов, скорее инструментом «цивилизованного развода», чем действенной интеграции [4]. В 1990–2000-е гг. возникли новые инициативы: Евразийское экономическое сообщество (далее – ЕврАзЭС), Организация Центрально-Азиатского сотрудничества, Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана и др. Кульминацией этих усилий стало создание Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в 2015 г. на базе Таможенного союза. Параллельно формировались ОДКБ (как военно-политический блок) и Союзное государство России и Беларуси (углубленная двухсторонняя интеграция).

Однако геополитические потрясения последнего десятилетия, включая украинский кризис 2014 г., расширение НАТО и ЕС на восток, санкционное противостояние России и Запада, а затем специальная военная операция 2022 г., радикально изменили условия, в которых развиваются интеграционные проекты. Россия, ранее пытавшаяся балансировать между Востоком и Западом, в 2014–2022 гг. сделала стратегический поворот на Восток. Это придало новый импульс идеи широкой интеграции в Евразии в формате Большой Евразии, предполагающей партнерство ЕАЭС, ШОС, Китая, Индии, стран Ближнего Востока и т. д. Одновременно усилилась активность других держав на евразийском пространстве: Китай продвигает инициативу «Один пояс – один путь» и наращивает экономическое присутствие в Центральной Азии; Турция укрепляет сотрудничество тюркоязычных стран в рамках Организации тюрksких государств; Европейский союз активизирует восточное партнерство и связи с Центральной Азией; США посредством санкций и дипломатии воздействуют на расстановку сил, стремясь ослабить российское влияние.

В результате конфигурация интеграционных процессов меняется от относительно замкнутой постсоветской модели к более сложной многоуровневой системе. Одни эксперты говорят о возникновении «пространства конкуренции и сотрудничества» в Большой Евразии, где пересекаются различные проекты и союзы. Например, государства Центральной Азии одновременно участвуют в ЕАЭС (Казахстан, Киргизия), ШОС, имеют соглашения с Китаем, а также поддерживают диалог с Турцией и странами Запада. Такая «нало-

женность интеграций» создает как новые возможности (диверсификация связей, возможность для маневра между центрами силы), так и проблемы (риск дублирования, нормативные коллизии, давление со стороны внешних игроков). Таким образом, текущая ситуация характеризуется поиском новой модели интеграции (фактически пересборкой постсоветского евразийского пространства), которая учитывала бы возросшую многополярность и необходимость взаимодействия между различными интеграционными форматами.

Центральным экономическим интеграционным объединением постсоветской Евразии на сегодня является ЕАЭС. До 2022 г. прогресс ЕАЭС в увеличении внутрисоюзной торговли был умеренным: доля взаимной торговли стран ЕАЭС поднялась с ~13,5 до 14,6 % от их совокупного товарооборота в 2012–2021 гг. Накануне украинского кризиса 2022 г. торговля с партнерами по ЕАЭС составляла менее 9 % внешнего товарооборота России, что свидетельствует о сохранении зависимости экономик от внешних рынков (ЕС, Китай и др.) больше, чем друг от друга¹. После 2022 г. роль ЕАЭС резко возросла в связи с необходимостью перестройки торгово-экономических связей России и Беларуси под санкционным давлением. В 2022–2023 гг. наблюдался рост торговли России с партнерами по Союзу, поскольку Казахстан, Киргизия и Армения стали каналами реэкспорта ряда товаров на российский рынок. Этот эффект санкций временно увеличил экономическую активность внутри ЕАЭС². Вместе с тем Россия в новых условиях придает ЕАЭС стратегическую роль опоры технологического и финансового суверенитета. В приоритетах российского председательства в ЕАЭС на 2023 г. были заявлены инициативы по созданию евразийских механизмов расчетов, независимого рейтингового агентства, совместных программ импортозамещения и т. д.³

По сути, Москва активнее стремится перенести акцент на сотрудничество с «дружественными правительствами»⁴. Однако партнеры не спешат безоговорочно следовать всем инициативам. Тем не менее интеграционные проекты продвигаются. Так, в конце 2023 г. ЕАЭС заключил соглашение о свободной торговле с Ираном, продолжаются переговоры о ЗСТ с Египтом, Индонезией, обсуждается соглашение с Индией. Узбекистан, сохраняя статус наблюдателя, стал ближе к вступлению: экономическая целесообразность членства для него повысилась в условиях роста спроса на трудовых мигрантов в России и перераспределения рынков.

¹ О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. 21.03.2022. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/analytics/I_202201.pdf (дата обращения: 27.05.2025).

² Евразийская экономическая комиссия. Доклад о результатах функционирования Евразийского экономического союза в 2022 году. М. : ЕЭК, 2023. 172 с.

³ Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза // Официальный сайт Президента России. 23.01.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 29.11.2025).

⁴ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXX Ассамбле Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 14 мая 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.05.2022. URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1813377/> (дата обращения: 29.05.2025)

Несмотря на это, конкуренция за влияние в государствах постсоветской Евразии не ослабевает. Западные страны, в особенности США и ЕС, предпринимают дипломатические, экономические и санкционные меры, направленные на ограничение деятельности и расширения ЕАЭС, особенно после начала конфронтации с Россией⁵. Однако ЕАЭС адаптируется к новым условиям, став инструментом антикризисного реагирования (переориентация торговли, импортозамещение). Но долгосрочные проблемы остаются нерешенными: узкая сырьевая структура экономик, невысокая доля взаимной торговли, недостаток инвестиций в высокотехнологичные отрасли. Более того, санкционное давление может ослабить способность России поддерживать роль интеграционного ядра ЕАЭС в будущем. Таким образом, пересборка ЕАЭС требует новых стимулов и механизмов, чтобы сделать союз привлекательным и устойчивым в долгосрочной перспективе.

ШОС из первоначально региональной структуры по обеспечению безопасности в Центральной Азии эволюционировала в широкую организацию евразийского сотрудничества. В 2025 г. в ШОС входят уже 10 государств. С вступлением Беларуси происходит трансформация ШОС из сугубо азиатской структуры в организацию Большой Евразии. Статус наблюдателей при ШОС имеют Афганистан (его участие в условиях талибского режима неопределенно), Монголия, а партнерами по диалогу являются Турция, Азербайджан, Армения, несколько государств Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока (включая Саудовскую Аравию, Египет и др.). Расширение членства усилило политический вес ШОС, но одновременно усложнило внутреннюю динамику. Организация действует на принципах консенсуса и невмешательства, не являясь военным блоком или полноценным интеграционным союзом. При этом в рамках ШОС создаются механизмы координации в различных сферах – от совместной борьбы с терроризмом до экономических и инфраструктурных проектов.

В последние годы, с выходом США из Афганистана и общей нестабильностью, роль ШОС как платформы безопасности возросла: страны-члены обмениваются информацией, проводят учения, обсуждают меры против трансграничных угроз. Новые тенденции в ШОС отражают сдвиги геополитического баланса. Вступление Индии и Пакистана продемонстрировало стремление этих конкурирующих держав участвовать в евразийских структурах. Факт существования в одной организации Китая, Индии, Пакистана, России и Ирана – крупных цивилизационных центров – свидетельствует о формировании многополярной коалиции вне влияния Запада. Однако разнообразие состава приводит к тому, что организация вынуждена избегать острых политических вопросов (например, ни украинский кризис, ни пограничные конфликты Индии и Китая официально не рассматриваются в ШОС). Консенсусный формат затрудняет принятие амбициозных совместных программ. Экономическое взаимодействие внутри ШОС пока отстает от политических деклараций. Более того, появляются элементы скрытой конку-

⁵ Davtyan E. The War in Ukraine and the Eurasian Economic Union: View from Armenia // Russian Analytical Digest. 2022. N 287. P. 7–9. URL: https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/577719/RAD_287.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

рениции: Китай доминирует экономически в Центральной Азии, тогда как Россия больше отвечает за военную безопасность; Индия продвигает свои проекты (например, Международный транспортный коридор «Север – Юг» через Иран) параллельно китайским инициативам. Тем не менее перспектива пересборки евразийской архитектуры при активной роли ШОС реальна: интеграция новых членов (Иран, Беларусь) расширяет географический охват, а в долгосрочной перспективе возможна и кооперация ШОС с другими блоками (например, проведение совместных саммитов с ЕАЭС, координация проектов развития региона).

Военно-политическое измерение интеграционных процессов в постсоветской Евразии: ОДКБ и Союзное государство

Организация Договора о коллективной безопасности остается основным механизмом военно-политической интеграции части постсоветских стран. В состав ОДКБ входят Россия, Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. ОДКБ декларирует коллективную оборону, проводит совместные учения, координирует военную политику. В 2022 г. ОДКБ впервые применила механизм коллективной помощи по запросу Казахстана: в январе 2022 г. ограниченный миротворческий контингент ОДКБ был введен для стабилизации ситуации в Казахстане во время массовых беспорядков. Эта операция продемонстрировала потенциал организации и способность реагировать на кризисы, укрепив легитимность ОДКБ. Однако репутационные вызовы для ОДКБ усилились в 2022–2023 гг. на фоне эскалации ситуации на Кавказе. В начале 2024 г. Армения фактически приостановила свое участие в организации, заморозив сотрудничество и прекратив перечисление членских взносов. Этот шаг стал маркером глубокого кризиса доверия внутри объединения: одна из ключевых стран-участниц дистанцировалась от системы коллективной безопасности. Остальные государства, прежде всего Казахстан, вынуждены балансировать между союзническими обязательствами в отношении Армении и необходимостью поддерживать рабочие отношения с Азербайджаном и Турцией – значимыми экономическими и транзитными партнерами, а также учитывать растущее влияние Китая в регионе.

Союзное государство России и Беларуси представляет собой наиболее продвинутый интеграционный проект на евразийском пространстве в двухстороннем формате. Союзное государство фактически стало полигоном глубокой интеграции, моделируя сценарий максимально тесного союза [4]. Для России и Беларуси это способ совместно противостоять санкционному давлению и военным рискам со стороны западных государств. Одновременно сохраняются структурные ограничения (различия в масштабах экономик, уровне политической интеграции и распределении полномочий), поэтому углубление Союзного государства развивается неравномерно. Тем не менее достигнутые результаты (свободное передвижение граждан, доступ к труду-устройству, практически отсутствие границ) демонстрируют, что более тесная координация возможна и способна стать моделью для других интеграционных форматов, если между участниками будет обеспечен баланс интересов и высокий уровень доверия.

Внешние акторы и конкурирующие интеграционные проекты

Важной частью текущей картины постсоветской евразийской интеграции являются внешние акторы – государства и блоки, не входящие в постсоветские евразийские объединения, но активно взаимодействующие с постсоветскими государствами Евразии.

Китай – ключевой экономический игрок во всей Евразии. Его инициатива «Пояс и путь», запущенная в 2013 г., подразумевает масштабные инвестиции в инфраструктуру, торговые коридоры и индустриальные проекты от Восточной Азии до Европы. Многие страны ЕАЭС и ШОС участвуют в проектах «Один пояс – один путь» (железные дороги, трубопроводы, логистические центры). Китай стал главным торговым партнером центральноазиатских республик, вытеснив Россию в ряде областей. С одной стороны, Пекин дополняет евразийскую интеграцию капиталом и технологиями, поддерживает идею сопряжения ЕАЭС и своего проекта ЭПШП (Экономический пояс Шелкового пути). Соответствующее соглашение между ЕАЭС и КНР о торговово-экономическом сотрудничестве подписано в 2018 г., с другой – существует скрытая конкуренция: китайские стандарты, инвестиции и кредиты идут параллельно с российскими интеграционными инициативами, не всегда совпадая по интересам. Например, Китай предпочитает двусторонние проекты, избегая взаимодействия через институты ЕАЭС; масштаб его экономики делает партнеров более зависимыми от Пекина. Тем не менее в условиях изоляции от Запада Россия и союзники вынуждены активнее координироваться с Китаем, так как без него пересборка Евразии невозможна – КНР является неизбежным участником любого крупного проекта (ШОС, БРИКС, сотрудничество в ООН и т. д.).

Турция – растущий региональный лидер, продвигающий идею пантюркизма. В 2021 г. на базе прежнего Совета тюркоязычных государств была создана Организация тюрksких государств (далее – ОТГ), куда вошли Турция, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия (и Венгрия как наблюдатель). Турция предлагает альтернативную (во многом экономико-культурную) интеграционную повестку для Центральной Азии и Кавказа. После 2022 г. Анкара балансирует между Россией и Западом, сохраняя диалог с Москвой, но параллельно укрепляя связи с Киевом, Баку и центральноазиатскими столицами. Влияние Турции особенно возросло в Азербайджане (близкий союзник) и отчасти в Казахстане и Узбекистане: растет торговля, реализуются совместные транспортные коридоры (например, Транскаспийский маршрут, известный как Средний коридор). Для евразийских интеграционных проектов активность Турции означает, с одной стороны, конкуренцию (особенно в культурно-языковом плане и в сфере транспорта, где Турция предлагает маршруты в обход России), а с другой – возможность сотрудничества. Например, Турция – партнер по диалогу в ШОС, не исключала идею заключения соглашения с ЕАЭС. Вероятно, успешная пересборка евразийского пространства должна учесть турецкий фактор, возможно через формирование каналов взаимодействия между ЕАЭС/ШОС и ОТГ, дабы снизить риск раскола по линиям влияния.

Европейский союз, хотя географически большая его часть находится вне постсоветской Евразии, напрямую влияет на часть евразийского постсоветского пространства (Восточная Европа, Кавказ, частично Центральная Азия). ЕС продвигает нормативную власть: стандарты, реформы, требования выполнения определенных условий для включения в интеграционные проекты. Через программу «Восточное партнерство» ЕС ассоциировал Украину, Молдову, Грузию (эти страны подписали Соглашения об ассоциации, две из них уже кандидаты на вступление в ЕС), отчасти Армению (соглашение о партнерстве), тем самым отдалив их от участия в евразийских интеграционных блоках. После 2022 г. ЕС значительно увеличил экономическое и военное присутствие в Восточной Европе (поддержка Украины, санкции против России и Беларуси) и начал проявлять больший интерес к Центральной Азии (серия саммитов «ЕС – Центральная Азия» в 2022–2023 гг., проекты по транспорту, инвестиции в Global Gateway как альтернативу китайской инициативе «Один пояс – один путь»). Конкуренция ЕС и ЕАЭС носит во многом взаимоисключающий характер: в 2010-х гг. Брюссель отказался от официального диалога с Евразийской комиссией, считая ЕАЭС политическим проектом Москвы [5]. В перспективе отношения ЕС с постсоветскими странами будут определять траекторию интеграции: например, если Южный Кавказ и Украина интегрируются в европейские структуры, это сузит пространство для евразийской пересборки; напротив, поиск *modus vivendi* между ЕС и ЕАЭС (в отдаленном будущем) мог бы стать фактором стабильности во всей Евразии.

Соединенные Штаты, которые не участвуют напрямую в региональных объединениях Евразии, оказывают на них значительное опосредованное влияние. Американская стратегия исторически была направлена на предотвращение появления в Евразии гегемона или сплоченного блока, способного бросить вызов интересам США. В этой связи последние делали ставку на развитие альтернативных механизмов взаимодействия на постсоветском пространстве, включая поддержку ГУАМ в 2000-е гг. и формирование отдельных партнерских треков с государствами Центральной Азии, прежде всего в формате «C5+1» с Казахстаном и Узбекистаном. Параллельно США усиливали сотрудничество с ключевыми союзниками, находящимися за пределами региона, такими как Турция в рамках НАТО, а также Япония и Республика Корея в Азиатско-Тихоокеанском регионе, рассматривая эти направления как элементы более широкой стратегии сдерживания России и Китая.

После начала СВО на Украине в 2022 г. США инициировали беспрецедентную санкционную кампанию против России, что напрямую отразилось на динамике евразийской интеграции: механизм вторичных санкций ставит государства ЕАЭС перед дилеммой, поскольку им фактически сигнализируют о возможных экономических и финансовых ограничениях в случае содействия Москве [4]. Одновременно Вашингтон усиливает взаимодействие с теми, кто дистанцируется от России: например, развивает стратегический диалог с Узбекистаном, поддерживает выход Армении из-под влияния

ОДКБ⁶. В сфере экономики США вместе с ЕС заинтересованы в развитии альтернативных путей торговли Европа–Азия (через Кавказ, Индию, минуя Россию). Таким образом, американское влияние во многом направлено на дезинтеграцию постсоветской Евразии и встраивание отдельных стран в глобальные сети, ориентированные на Запад.

Подводя итог анализу текущей ситуации: евразийское пространство сегодня представляет собой арену наложения интеграционных проектов и внешних интересов. Происходит конкурентная *пересборка* региона: разные центры силы предлагают свои «сборки» Евразии (ЕАЭС, китайский «Пояс и путь», тюркская ОТГ, проевропейские векторы на Западе). В этих условиях жизненно важно понимать вызовы, препятствующие целостной интеграции, и обозначить перспективы синергии, чтобы многополярная Евразия не превратилась окончательно в фрагментированное пространство.

Вызовы на пути пересборки евразийского пространства

Процесс евразийской интеграции сталкивается с комплексом вызовов как внутренних (системных), так и внешних. Выделим ключевые проблемы, затрудняющие «пересборку» региона.

Во-первых, геополитические конфликты и дефицит доверия. Нерешенные конфликты (Россия – Украина, Армения – Азербайджан, Индия – Пакистан, Китай – Индия и др.) фрагментируют пространство и делают полноценное сотрудничество всех евразийских стран невозможным. Санкционное противостояние между Россией и Западом ставит страны перед выбором, мешая инклузивности интеграции. Внутри постсоветских элит сохраняется недоверие к мотивам друг друга: многие государства опасаются доминирования России и утраты суверенитета («синдром старшего брата»), что проявляется в колебаниях, половинчатом участии (например, Узбекистан не спешит вступать в ЕАЭС, Армения дистанцируется от ОДКБ). Без укрепления политического доверия и урегулирования ключевых споров (хотя бы до уровня компромисса) интеграционные проекты останутся хрупкими.

Во-вторых, асимметрия экономического потенциала. Страны постсоветской Евразии значительно различаются по размерам экономик, уровню развития и структуре. Россия доминирует по объему ВВП и военной силе, тогда как малые страны Центральной Азии или Кавказа в разы слабее. Такая асимметрия затрудняет создание равноправных активных региональных объединений – меньшие государства боятся стать периферией [1]. Например, внутри ЕАЭС 86 % совокупного ВВП приходится на Россию, что объективно ведет к асимметрии политического и экономического влияния. Аналогично в ШОС Китай и Индия намного мощнее остальных. Выравнивание диспропорций происходит слабо: программы выравнивания в ЕАЭС ограничены, крупных инвестиций в слабые экономики недостаточно. В результате лидеру не хватает ресурсов стимулировать партнеров (как, например, Германия и Франция в ЕС финансировали интеграцию южноевропейских стран).

⁶ Пашиян объявил, что выйдет из ОДКБ // РБК. Политика. 12.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/06/2024/66699c779a7947e323cd9c13> (дата обращения: 27.05.2025).

В-третьих, отсутствие привлекательной модели развития. Как отмечают аналитики, фундаментальной проблемой евразийской интеграции было то, что за три десятилетия после распада СССР Россия не предложила соседям успешной и притягательной социально-экономической модели. В отличие от ЕС, где интеграция шла вокруг ядра процветающих демократий (ФРГ, Франция), постсоветская интеграция не обеспечила заметного роста благосостояния для всех. Это подорвало общественную поддержку проектов: население в некоторых странах не видит прямой выгоды от ЕАЭС (кроме трудовой миграции). Отдельно отметим идеологический вызов – отсутствие позитивной, ориентированной на будущее идеологии интеграции, «видения будущего самой интеграционной группировки и государств-членов» [3]. Если интеграция воспринимается лишь как попытка «воссоздать СССР», империю [2] или защититься от врагов, она менее устойчива, чем когда ею движет общее стремление к развитию, модернизации, инновациям⁷.

В-четвертых, перекрещивающиеся интеграционные форматы и конкуренция правил. Как отмечалось, многие страны состоят сразу в нескольких объединениях (или взаимодействуют с ними). Это ведет к регуляторной мозаике: разные требования в торговле, таможне, стандартах. Например, Казахстан в ЕАЭС обязан применять общий таможенный тариф, а одновременно участвуя в ВТО, соблюдать ее правила, плюс сотрудничество с Китаем требует стыковки с китайскими нормами. Такая многослойность может вести к конфликтам норм и перегрузке административных ресурсов. Конкуренция интеграций проявляется и политически: страны стараются балансируировать, не желая слишком привязываться к одному блоку. Например, тот же Казахстан продвигает концепцию многовекторности⁸, поддерживая и ЕАЭС, и ШОС, и контакты с НАТО/ЕС [6]. В итоге глубина интеграции в одном направлении ограничивается необходимостью сохранить свободу маневра. Дилемма пересборки заключается в том, как объединить эти пазлы без столкновения между ними.

В современных реалиях необходимо рассматривать и внешнее давление, и санкции. Внешние акторы не остаются пассивными наблюдателями. Западные санкции против России и Беларуси косвенно бьют по партнерам (снижение торговли, риск санкций за сотрудничество), что побуждает тех же Казахстан и Киргизию осторожничать. Американская и европейская дипломатия демонстрируют стремление ограничить вовлеченность государств постсоветского пространства в интеграционные проекты под эгидой России. Примерами могут служить попытки повлиять на позицию Узбекистана и других стран в отношении ЕАЭС⁹, а также действия, затрагивающие участие

⁷ Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Международная жизнь. 26.02.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19401> (дата обращения: 27.05.2025).

⁸ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/legal Acts/decrees/o-konsepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody> (дата обращения: 29.05.2025)

⁹ Микович Н. Как Узбекистан стал желанным союзником в Центральной Азии // Diplomatic Courier. 13.03.2024. URL: <https://www.diplomaticcourier.com/posts/uzbekistan-central-asia-ally-everyone-wants> (дата обращения: 29.05.2025).diplomaticcourier.com

Армении в механизмах ОДКБ¹⁰. С другой стороны, Китай, Турция и страны Персидского залива привлекают свои проекты, где правила игры и выгоды могут быть привлекательнее. Евразийские страны зачастую лавируют между предложениями, используя конкуренцию внешних сил для извлечения максимальной выгоды (так называемый многовекторный торг). Это рационально для национальных интересов, но затрудняет формирование устойчивого единства региона.

Интеграция не только экономика и политика, но и обмен между людьми, идеи общности. В постсоветской Евразии за 30 лет произошел дрейф идентичностей: выросло поколение, менее связанное общей советской историей, усилился национализм, появились новые языковые барьеры (роль русского языка местами снизилась, английский и китайский набирают вес). Это создает культурные и ментальные препятствия для интеграции. Например, трудовые мигранты из Средней Азии сталкиваются с социальной неприязнью в России; молодежь в странах региона чаще ориентируется на глобальные тренды, чем на идеи евразийства. Без гуманитарной составляющей пересборка останется элитарным проектом.

Таким образом, совокупность вызовов формирует непростое поле для пересборки евразийского пространства. Чтобы преодолеть эти вызовы, нужны продуманные стратегии и политическая воля.

Перспективы интеграционных процессов в Евразии

Несмотря на обозначенные трудности, перспективы евразийской интеграции сохраняются, хотя их реализация во многом зависит от развития геополитической ситуации. Рассмотрим несколько возможных направлений и сценариев развития интеграционных процессов (пересборки пространства) в ближайшей и среднесрочной перспективе.

1. Углубление экономической интеграции в ЕАЭС. Один из реалистичных сценариев – постепенное углубление сотрудничества внутри Евразийского экономического союза. В экономической плоскости это может включать достройку общих рынков в новых отраслях: например, формирование общего рынка газа и нефти, электроэнергетики, финансовых услуг (планируется к концу 2030 г.)¹¹. Другой важный шаг – гармонизация макроэкономической политики, движение к согласованию валютно-финансовой стратегии. В теории, возможно обращение к вопросу о единой валюте ЕАЭС (тема «евразийского евро» периодически поднимается), хотя на практике сопротивление этому высоко. Но увеличение расчетов в национальных валютах, создание совместных механизмов платежей (Евразийская межбанковская расчетная система) вполне вероятно.

¹⁰ Демурян А. Лидер Армении объявляет о планах выхода из доминируемого Россией альянса безопасности // Associated Press. 19.09.2024. URL: <https://apnews.com/article/armenia-russia-csto-security-alliance-2968d29f8fe97a1be8d1a952a1d2ebb8> (дата обращения: 29.05.2025).

¹¹ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийский экономический союз до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Евразийская экономическая комиссия. г. Санкт-Петербург, 25 декабря 2023 г. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/2030-2045/ (дата обращения: 29.05.2025).

Важная составляющая – инфраструктурная интеграция. Развитие транзитных коридоров внутри союза, координация транспортных стратегий (чтобы ЕАЭС стал связующим мостом между Европой и Азией). Уже обсуждается проект высокоскоростной железной дороги Китай – Казахстан – Россия – Европа под эгидой сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Отметим также расширение состава ЕАЭС. В перспективе 5–10 лет вероятно вступление Узбекистана при условии сохранения тесных связей с Россией и доступа на российский рынок труда. Если в Молдове или на Украине произойдут политические сдвиги, не исключено возвращение их интереса к евразийской интеграции. Внешние связи ЕАЭС могут усилиться через сеть соглашений о свободной торговле, помимо уже заключенных (Вьетнам, Сербия, Иран и др.), вероятны новые (Индия, Египет, ОАЭ). Это может превратить ЕАЭС в стойкое ядро экономического сообщества Большой Евразии – своего рода узел, соединяющий различные зоны свободной торговли.

2. Эволюция ШОС в архитектуре Большой Евразии. ШОС имеет потенциал эволюционировать из рыхлой организации в более сплоченную структуру. Есть перспективы расширения: помимо Беларуси, интерес к членству проявляли ранее Турция (Реджеп Эрдоган в 2022 г. снова упоминал о возможности вступления)¹², государства Персидского залива (Саудовская Аравия, Катар стали партнерами по диалогу). Если ШОС откроется для таких игроков, она приобретет панъевразийский масштаб. Институционально возможен шаг к экономическому сотрудничеству: создание Банка развития ШОС или фонда, специального комитета по торговле. Уже сейчас действует рабочая группа по инвестициям. Реализация крупных совместных проектов (например, трансконтинентальные дороги, энергетические сети) под эгидой ШОС укрепила бы ее значение.

Политически ШОС могла бы играть роль платформы урегулирования, например, выступать посредником в диалогах Индия – Пакистан, Китай – Индия, стимулировать мирное решение конфликтов. Это повысило бы доверие. В идеале, со временем ШОС могла бы сопрягаться с идеей «Большого Евразийского партнерства» – стать каркасом, на который накладываются региональные интеграции (ЕАЭС экономически, ОДКБ в сфере безопасности и т. д.). Один из прогнозируемых элементов – проведение объединенных саммитов ЕАЭС – ШОС, создание координационного совета между их секретариатами для обсуждения общих инициатив. Такой межблоковый диалог фактически будет шагом к формированию в Евразии единого пространства сотрудничества от Минска до Шанхая.

3. Реформирование ОДКБ и безопасность Евразии. Будущее евразийской интеграции зависит и от того, удастся ли обеспечить коллективную безопасность. Здесь возможно несколько вариантов. Учитывая кризис доверия, организация может предпринять шаги по восстановлению своей роли, например, через внедрение механизмов быстрого реагирования на угрозы союзникам (не требуя формального признания агрессии, а хотя бы посред-

¹² Эрдоган Р. Т. Турция нацелена на вступление в ШОС в 2023 году // РБК. 17.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/09/2022/6326262a9a7947cbaadfa03a> (дата обращения: 29.05.2025).

ством осуществления мониторинга, военной помощи по гибким схемам). ОДКБ могла бы пойти на расширение партнерств и установить более тесные связи с ШОС (например, совместные учения с участием Китая), предлагать гарантии безопасности Узбекистану (в качестве стимула для его возвращения) или даже Ирану. Политическая реформа: возможно введение института наблюдателей (как у ШОС) или партнеров, чтобы вовлекать заинтересованные страны.

Целесообразно рассмотреть и альтернативные форматы безопасности. Если ОДКБ ослабнет (особенно после выхода Армении, потенциальной неудовлетворенности других), могут возникнуть новые союзы. Например, укрепление тандема Россия – Беларусь (де-факто два государства уже максимально объединяют вооруженные силы), создание двусторонних альянсов России с каждым из центральноазиатских партнеров вместо многостороннего. В экстремальном случае, если напряженность в отношениях России с Казахстаном или другими странами возрастет, безопасность региона может зависеть от неформальных соглашений между крупными державами – Россией, Китаем, Турцией – о разделении сфер ответственности. Это менее предпочтительно, так как оставляет малым странам меньшую субъектность. В перспективе возможна обновленная архитектура безопасности с участием внешних игроков. Например, идея диалога по безопасности в Персидском заливе с участием России, Китая и Индии расширяется до общего евразийского диалога (условно, Хельсинки-2, но уже «от Лиссабона до Шанхая»). Пока такие инициативы остаются скорее гипотетическими, однако нельзя исключать формирование новых форматов многостороннего взаимодействия. Речь может идти как о площадках, сопоставимых по замыслу с G20, так и о специализированных механизмах в сфере безопасности, например о создании общеевразийской конференции, которая могла бы быть задействована в случае необходимости урегулирования крупного регионального кризиса.

4. Интеграция по интересам: секторальные коалиции. Вместо создания всеобъемлющего блока может быть запущен процесс секторальной интеграции, когда группы стран объединяются по отдельным направлениям:

1. Энергетические союзы: Россия, Казахстан, Иран, возможно страны Залива – координация по газу и нефти (наподобие «газовой ОПЕК»), создание общего энергетического рынка Евразии.

2. Логистические альянсы: например, соглашение России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Китая, Турции по синхронизации транспортных коридоров (железных дорог, портов). Уже есть проект соединения железных дорог Иран – Россия через Каспий, поддержанный Индией (МТК «Север – Юг»).

3. Цифровая и технологическая интеграция: создание общего пространства регулирования интернета, совместные проекты в ИТ, электронная коммерция. Евразийские страны могут кооперироваться, чтобы развивать альтернативы западным технологиям (особенно под давлением санкций), например, совместное производство телеком-оборудования, электронных компонентов (Россия и Беларусь уже заявили союзные программы в микроэлектронике).

4. Гуманитарное сотрудничество: возможно появление евразийского студенческого обмена, научных консорциумов, культурных маршрутов, например создание Программы академической мобильности ЕАЭС (аналог Erasmus в ЕС) укрепило бы человеческие связи. Учреждение Фонда развития евразийской культуры, премии, фестивали могут способствовать развитию «мягкой силы» интеграции.

Такие секторальные инициативы могут реализовываться частично в рамках существующих организаций (ЕАЭС – по цифровым проектам, ШОС – по культурным), частично через новые соглашения. Их плюс – они более гибкие и прагматичные: участвуют те, кто готов, без навязывания остальным полного пакета обязательств. В итоге может сложиться сеть пересекающихся коалиций, которые вместе составят ткань интегрированного евразийского пространства.

5. Отдаленная перспектива: Евразия как единое пространство сотрудничества. В идеале, если geopolитические барьеры ослабнут, можно представить себе к 2030-м гг. оформление некоего Панъевразийского союза или системы, включающей большинство стран региона. Это может принять форму, например, конфедеративного союза интеграционных объединений. Условно, «Евразийское партнерство» между ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, ОТГ с участием наблюдателей из ЕС и Африки, т. е. очень широкий формат. Он бы координировал основные направления (торговля, безопасность, экология, развитие). Фактически прообразом может стать Организация Объединенных Наций Евразии или ОБСЕ в евразийском масштабе.

В перспективе следует рассматривать и полную нормализацию отношений Восток – Запад в Евразии. Например, урегулирование конфликта на Украине и заключение новых соглашений о безопасности в Европе позволило бы восстановить связи ЕС – ЕАЭС. Тогда исчезнет жесткая противопоставленность интеграций, и страны Восточной Европы, не вступая формально в ЕАЭС, могли бы все равно участвовать в общеевразийских экономических зонах. Возможно и возрождение идеи общеевропейского пространства от Лиссабона до Владивостока, расширенной до азиатских партнеров.

Подобные перспективы могут показаться чрезмерно отдаленными в текущих политических условиях, однако в стратегическом измерении концепт объединенной Евразии сохраняет аналитическую ценность. Опыт интеграционных процессов свидетельствует, что институциональное созревание нередко растягивается на десятилетия. Европейское объединение прошло путь от подписания Римского договора до выработки Маастрихтских параметров почти за сорок лет, тогда как трансформация «Шанхайской пятерки» в ШОС и ее дальнейшее пополнение новыми государствами заняли приблизительно двадцатилетний период.

Таким образом, перспективы пересборки находятся между двумя полюсами – от ограниченного, фрагментарного прогресса (углубление ЕАЭС, частичное расширение ШОС, коалиции по интересам) до реализации потенциала формирования реально интегрированного пространства Большой Евразии в будущем. Реальность, вероятно, будет сочетать элементы этих сценар-

риев. Уже сейчас прослеживается тенденция к многополярной сети интеграций вместо единого блока, и задача в том, чтобы превратить эту сеть в совместимую и конструктивную, а не конфликтующую.

Проведенный анализ показывает, что пересборка постсоветского евразийского пространства – сложный, многоплановый процесс, обусловленный как внутренней эволюцией постсоветской интеграции, так и влиянием глобальных перемен. Интеграционные процессы в постсоветской Евразии вступили в новую фазу: от привычных форматов, сформированных в 2000–2010-е гг., к поиску более гибких и широких моделей сотрудничества. Ключевые интеграционные проекты (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, Союзное государство) продемонстрировали свою полезность, но и выявили ограниченность в условиях кризисов. Геополитическая трансформация – конфронтация России и Запада, рост Китая, региональные амбиции средних держав – требует переосмысливания логики интеграции. Происходит переход от монодоминантной системы к плюралистической интеграционной архитектуре, где успех зависит от согласования интересов разных крупных центров (Россия, КНР, Индия, Турция и др.) и вовлечения более широкого круга стран. Концепция Большого евразийского партнерства является возможной идеологемой этой новой архитектуры, но ей еще предстоит наполниться реальным содержанием.

Главные вызовы – дефицит доверия, конфликты, экономическая неоднородность – препятствуют быстрым успехам. Тем не менее интеграция в Евразии носит прагматичный характер и, вероятно, будет продвигаться там, где есть объективная выгода (торговля, инфраструктура, безопасность границ). Внешние силы продолжат играть дестабилизирующую роль, если не будет найден баланс взаимодействия с ними. Возможно, в ближайшие годы евразийским проектам придется функционировать в условиях санкционного давления и политической турбулентности, что потребует дополнительной гибкости и изобретательности.

При самом позитивном раскладе пересборка евразийского пространства приведет к формированию устойчивой, мирной и процветающей Большой Евразии, способной стать одним из центров мирового развития. В противном случае, если интеграция затормозится, регион рискует остаться ареной борьбы внешних сил и внутренних конфликтов. Настоящий момент предоставляет исторический шанс преобразовать накопленный интеграционный задел в качественно новую архитектуру сотрудничества на континенте. Опираясь на научный анализ и извлеченные уроки, евразийские государства, в том числе государства постсоветской Евразии, способны совершить успешную пересборку своего пространства, преодолев разрозненность и совместно двигаясь к общему развитию.

Список литературы

1. Винокуров Е. Типология региональной интеграции в Евразии: теория и практика // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12, № 1. С. 7–26. DOI 10.17323/1996-7845-2017-01-01
2. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. Берлин: Изд-во Европ. ун-та, 2005. 296 с. URL: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/fub188/14221/1/9785354009152_S_N_Gavrov_Moderniza

- cija_vo_imja_imperii_sociokul%27turnye_aspeky_modernizacionnyh_processov_v_Rossii.pdf (дата обращения: 27.05.2025).
3. Европейская интеграция : учеб. для вузов / под ред. О. В. Буториной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2017. 736 с.
 4. Кортунов А. Три десятилетия болезненных корректировок: Россия на постсоветском пространстве // Российский совет по международным делам : сайт. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/tri-desyatiletija-bolezennnykh-korrektirovok-rossiya-na-postsovetskem-prostranstve/> (дата обращения: 27.05.2025).
 5. Ткаченко С. Г. Европейский союз и ЕАЭС: конкуренция или сотрудничество? // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 1. С. 85–98.
 6. Юнеман Р. А. Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 1. С. 151–169. DOI 10.17323/1996-7845-2023-01-06

References

1. Vinokurov E. Tipologiya regionalnoy integratsii v Yevrazii: teoriya i praktika [Typology of Regional Integration in Eurasia: Theory and Practice]. *Bulletin of International Organizations*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 7-26. DOI 10.17323/1996-7845-2017-01-01 (in Russian)
2. Gavrov S.N. *Modernizatsiya vo imya imperii: sotsiokul'turnyye aspeky modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the Name of Empire: Socio-cultural Aspects of Modernization Processes in Russia]. Berlin, European University Publishing, 2005. 296 p. Available at: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/fub188/14221/1/9785354009152_S_N_Gavrov_Modernizacija_vo_imja_imperii_sociokul%27turnye_aspeky_modernizacionnyh_processov_v_Rossii.pdf (in Russian)
3. Butorina O.V. Ed. by (chief ed.), Kaveshnikov N.Yu. *Yevropeyskaya integratsiya* [European Integration]. Textbook for Universities. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Aspect Press Publ., 2017. 736 p. (in Russian)
4. Kortunov A. Tri desyatiletija bolezennnykh korrektirovok: Rossiya na postsovetskem prostranstve [Three Decades of Painful Adjustments: Russia in the Post-Soviet Space]. *Russian International Affairs Council*. 2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/tri-desyatiletija-bolezennnykh-korrektirovok-rossiya-na-postsovetskem-prostranstve/> (in Russian)
5. Tkachenko S.G. Yevropeyskiy soyuz i YeAES: konkurentsya ili sotrudnichestvo? [The European Union and the EAEU: Competition or Cooperation?]. *International Processes*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 85-98. (in Russian)
6. Yuneman R.A. Realizatsiya kontseptsii mnogovektornosti vo vneshney politike Respubliki Kazakhstan na primere golosovaniya po rezolyutsiyam GA OON [Implementation of the Multi-Vector Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan: The Case of UNGA Resolutions Voting]. *Bulletin of International Organizations*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 151-169. DOI 10.17323/1996-7845-2023-01-06 (in Russian)

Сведения об авторе

Тучина Мария Валерьевна
преподаватель, кафедра интеграционных
процессов
Московский государственный институт
международных отношений Министерства
иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, 119454, г. Москва,
пр-т Вернадского, 76
e-mail: m.tuchina@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-1214-3108

Information about the author

Tuchina Maria Valeryevna
Lecturer, Department of Integration Processes
Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation
76, Vernadsky ave., 119454, Moscow,
Russian Federation
e-mail: m.tuchina@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-1214-3108